

Научная статья

УДК 314.622, 316.346.32-053.6, 316.356.2

DOI: 10.17213/2075-2067-2022-1-68-79

ПРОБЛЕМЫ СЕМЬИ И СОЦИАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ СТУДЕНТОВ НА ПРИМЕРЕ СОВЕТСКИХ ВОСТОКОВЕДОВ

Владимир Григорьевич Дацышен¹, Тамара Керимовна Ростовская²✉

^{1, 2}Институт демографических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН,
Москва, Россия

¹Институт востоковедения РАН, Москва, Россия

¹dazishen@mail.ru, ORCID: 0000-0001-6471-8327

²rostovskaya.tamara@mail.ru✉, ORCID: 0000-0002-1629-7780, AuthorID РИНЦ: 767943,
AuthorID Scopus: 57192987864

Аннотация. Целью исследования является актуализация проблемы изучения семьи и социального положения студентов в истории России на примере советских студентов-востоковедов.

Методологическую базу исследования представляют общенаучные и специальные исторические методы исследования. К используемым научным методам относятся сравнительный, причинно-следственный и статистический анализ.

Результаты исследования. Доступные на сегодняшний день исторические источники позволяют начать восстановление исторической картины студенческой семьи и выявления связанных с ней проблем. Материалы из фондов дальневосточных архивов указывают на то, что в первой половине XX века большинство студентов-востоковедов во Владивостоке не имели семей, но в документах есть прямые и косвенные указания на состоявших в браке студентов и слушателей. На наличие семейных студентов указывают и их возрастные характеристики. Проблемы, связанные с семьей, не были актуальными для университета во Владивостоке, в отличие от проблем качества обучения или состояния здоровья. Власти и общество контролировали социальное происхождение и социальное положение студентов. В послевоенную эпоху ситуация изменилась. Пример московских вузов показывает, что в это время студенческие семьи стали обычным явлением. Семейные студенты имели некоторые преимущества.

Перспективы исследования заключаются в расширении источниковой базы для комплексного изучения студенческой семьи.

Ключевые слова: студенческая семья, социальное положение студентов, китаеведение, Дальний Восток

Для цитирования: Дацышен В. Г., Ростовская Т. К. Проблемы семьи и социального положения студентов на примере советских востоковедов // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 1. С. 68–79. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-1-68-79>.

Original article

PROBLEMS OF FAMILY AND SOCIAL STATUS OF STUDENTS ON THE EXAMPLE OF SOVIET ORIENTALISTS

Vladimir G. Datsyshen¹, Tamara K. Rostovskaya²✉

^{1,2}*Institute of Demographic Research of the Federal Research Sociological Center
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

¹*Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

¹*dazishen@mail.ru, ORCID: 0000-0001-6471-8327*

²*rostovskaya.tamara@mail.ru*✉, *ORCID: 0000-0002-1629-7780, AuthorID RSCI: 767943,
AuthorID Scopus: 57192987864*

Abstract. *The purpose of the research is to actualization of the problem of studying the family and social status of students in the history of Russia on the example of Soviet students of Oriental studies.*

The methodological basis of the general scientific and special historical research methods. The scientific methods used include comparative, causal and statistical analysis.

Research result. *The historical sources available today allow us to begin restoring the historical picture of the student family and identifying the problems associated with it. Materials from the collections of the Far Eastern archives indicate that in the first half of the twentieth century, most Oriental students in Vladivostok did not have families, but there are direct and indirect references in the documents to married students and listeners. The presence of family students is also indicated by their age characteristics. Problems related to the family were not relevant for the university in Vladivostok, unlike problems of the quality of education or health status. The authorities and society controlled the social origin and social status of the students. In the post-war era, the situation has changed. The example of Moscow universities shows that at that time student families became commonplace. Family students had some advantages.*

The prospects of the research *are to expanding the source base for a comprehensive study of the student family.*

Keywords: *Student family, social status of students, Chinese studies, Far East*

For citation: *Datsyshen V. G., Rostovskaya T. K. Problems of family and social status of students on the example of soviet orientalists // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(1): 68–79. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-1-68-79>.*

Введение. Во все исторические периоды российского государства семейная политика являлась важнейшим социальным инструментом, консолидирующим общество, снижающим социальную напряженность. В рамках настоящего исследования проводится краткий обзор эволюции развития государственной семейной политики в советский период, начиная с 1917 года [6].

1 этап — период с 1917 года до первой половины 1930-х годов. Основной задачей данно-

го периода было создание работающим женщинам условий для сочетания материнства с трудом в общественном производстве (отпуска и пособия по беременности и родам, оплачиваемые перерывы на кормление ребенка). При этом материальные меры были направлены не на семью в целом, а конкретно на городских женщин-работниц как особую социально-демографическую группу населения.

2 этап — период со второй половины 30-х годов до 70-х годов — был ориентирован

на улучшение демографической ситуации путем поощрения высокой рождаемости и многодетности (вводятся пособия на детей многодетным матерям, а также награды «Медаль материнства», «Орден «Материнская слава», почетное звание «Мать-героиня», запрещаются аборт, ужесточается процедура разводов и, как следствие, увеличиваются размеры алиментов на детей, впервые в 1944 году вводятся пособия на детей одиноким матерям).

3 этап — период 70–80-е годы — характеризуется введением пособий на детей следующим категориям семей: малообеспеченным (1974 год), с детьми-инвалидами (1979 год), вдовам, не получающим на детей пенсии по случаю потери кормильца (1986 год), на детей, родители которых уклоняются от уплаты алиментов (1985 год). Также были увеличены пособия одиноким матерям (1981 год). Основная мера материальной поддержки семей с детьми на данном этапе — отпуска и пособия по уходу за малолетним ребенком до достижения им возраста одного года (1981–1983 год), полутора лет (с 1989 года).

Таким образом, завершая краткий обзор государственной семейной политики в советский период, необходимо отметить, что государственная семейная политика оформилась в виде самостоятельной области социальной политики именно в советский период, и следует согласиться с учеными фамилистами, что в рассматриваемый период советская семья была поставлена в зависимость от государства и не могла существовать без его поддержки на принципах государственного патернализма [10, с.16].

Проблемы современной семьи и социального положения студентов вызывают большой интерес российских исследователей. Ростовская Т.К., обращает внимание на студенческую молодежь с позиции главного субъекта общественного воспроизводства, «... так как именно в данной возрастной группе, в основном, сконцентрирован репродуктивный потенциал социума... Говоря о репродуктивном потенциале социума, прежде всего необходимо выделить репродуктивный потенциал молодежи как уровень физического и психического состояния молодежи, который позволяет при достижении социальной зрелости воспроизводить здоровое потомство» [11, с. 73].

В свою очередь, проблема исследования студенческой семьи является острой вследствие усугубления демографической обстановки в государстве, предусматривая значение молодых людей в смене поколений и репродуктивной функции социально-демографического устройства современного социума. Характерной чертой студенческой семьи можно считать то, что в данном типе семьи в наибольшей степени чувствительны проблемы, присущие институту семьи в целом.

Для более глубокого понимания современных проблем студенческой семьи необходимо иметь развернутую историческую картину явления, рассмотренную в ее предметном разнообразии. И речь идет не только об исторической динамике, но и ее территориально-географических и профессиональных аспектах. Разные регионы России всегда имели различия в части культуры семьи, специфика содержания и направления высшего образования накладывали свой отпечаток на отношение к семье студенческой молодежи.

Исторические аспекты проблемы студенческой семьи, за редким исключением [1], не рассмотрены в отечественной науке. Во многом такая ситуация обусловлена особенностями развития исторической науки в России и ограниченностью источниковой базы по данной проблеме. В советский период истории России проблемы социального происхождения и семьи были крайне политизированы и идеологизированы, что ограничивало возможности их научного исследования. Характер источников, отражающих историю студенчества, ограничивает возможности восстановления исторической картины семьи и социального положения студентов.

В данной работе проблема семьи рассматривается на примере студентов-китаеведов, учившихся во Владивостоке. В центре исследования — семья и социальное положение студентов в 1920–1930-х годах. Для сравнительного анализа в историческом и источниковедческом аспектах рассматриваются вопросы истории с начала XX века и до 1960-х годов, а кроме Владивостока берутся примеры из московских востоковедных вузов.

Проблемы семьи и социального положения студентов-востоковедов вообще и обучающихся во Владивостоке, в частности, остаются неизученными [10]. Лишь в неко-

торых работах исследователей встречаются указания на то, что в ДВГУ были студенты, состоявшие в браке, а в условиях политических репрессий в СССР советские семьи сталкивались с серьезными проблемами. Например, в работе известного дальневосточного исследователя О. П. Еланцевой был приведен пример материальных проблем студенческой семьи известного китаевода М. И. Сладковского в 1920-х годах [3, с. 70]. Исследователь В. К. Донской пишет: «В феврале 1936 г. в партком ДВГУ поступило заявление студентки В. Кирносовой... Действовала Кирносова по команде мужа, который вместе с приятелем К. Саенко (оба бывшие студенты Востфака) в лагере на Второй речке ожидали административной высылки» [2, с. 99].

В современной мемуарной литературе имеются данные о семейном положении студентов-восточников, но уже отражающие более позднее время — 1940–1960-е годы. Например, академик С. Л. Тихвинский вспоминал: «Управление кадров НКВД отобрало из различных вузов гуманитарного профиля... 15 студентов... и направило их с семьями в Чунцин...» [12, с. 186].

Семейное положение студентов-востоковедов отражено в интервью известных российских китаеведов, собранных в рамках проекта «Российское китаеведение — устная история» В. Ц. Головачевым. Известный китаевед Л. П. Делюсин вспоминал: «Вместе со мной на одном курсе училась чета известных филологов Котовых (они познакомились и поженились во время учёбы в МИВс)» [8, с. 121]. В интервью профессора Б. М. Новикова отмечено, что, будучи студентом Восточного факультета ЛГУ, женился известный китаевед Л. Н. Меньшиков [7, с. 337]. В воспоминаниях бывшей студентки Московского института востоковедения китаевода З. Д. Катковой говорилось: «Когда мы окончили четвёртый курс, сдали экзамены и все разъехались на летние каникулы, то тут нам преподнесли очень неожиданный и неприятный сюрприз. Я уехала в Литву к мужу, он у меня был военный, и тут я получаю письмо, что должна срочно возвращаться в Москву, потому что наш институт расформировали. Это был 1954 год... Нам предложили идти на первый курс в любой институт. Это было очень странно, потому что многие уже

обзавелись семьями и детьми» [8, с. 168]. В интервью многих китаеведов отражены проблемы студенческих семей, созданных в период их стажировок в Китае в 1950-х годах. Во второй половине 1950-х годов в Пекине, будучи студентом, женился будущий академик М. Л. Титаренко [8]. Тогда же там женился на китайке выдающийся российский китаевед М. В. Крюков. В воспоминаниях указывается, что большинство смешанных советско-китайских студенческих семей быстро распались, но оставшиеся оказались крепкими и сохранились на протяжении более полувека.

Данные по студентам Дальневосточного государственного университета начала 1960-х годов есть в работе З. Ф. Моргун. В воспоминаниях указано, что на 1 курс по кафедре востоковедения в 1962 году поступило 15 человек, из которых лишь шесть человек были выпускниками школы. Некоторые из поступивших в ДВГУ уже имели семьи. З. Ф. Моргун пишет: «Нина Соколова (Плотникова) уже была замужем, имела сына, и к тому времени у нее было три курса английского факультета Хабаровского пединститута. Чан Владимир (Чан Су Бу) и Жю Евгений (Жю Е Ги) приехали поступать с Сахалина, имели семьи» [5, с. 36]. Также в воспоминаниях З. Ф. Моргун указывается, что имевшие семьи студенты были вынуждены во время учебы подрабатывать: «Чан Су Бу в 1962 г. поступил в ДВГУ на отделение японского языка, став студентом первого набора. Учебу в университете (1962–1968 гг.) совмещал с работой переводчиком японского языка в ТИПРО — у него уже была семья» [5, с. 23].

Таким образом, вопросы истории семьи и социального положения студентов-востоковедов в 1920–1930-х годах остаются неизученными в современной науке. Что касается более позднего периода, 1950–1960-х годов, то в воспоминаниях бывших студентов-востоковедов, данных в интервью или опубликованных в виде статей, содержится информация о студенческих семьях и некоторых проблемах, связанных с этим явлением.

Для рассмотрения проблемы семьи и социального положения студентов в 1920–1930-х годах на примере студентов-востоковедов мы привлекли документы из фондов Государственного архива Приморского края

(ГАПК) и Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (РГИАДВ).

В Государственном архиве Приморского края интересующие нас документы собраны в фондах Р-115 «Восточный институт г. Владивосток», Р-117 «Государственный Дальневосточный университет (ГДУ)» и Р-170 «Дальневосточный государственный университет (ДВГУ)». В фонде Р-289 «Дальневосточный государственный университет. г. Владивосток» Российского государственного исторического архива Дальнего Востока хранятся свидетельства об окончании Восточного факультета ДВГУ за 1930-е годы, по которым можно определить возраст некоторой части абитуриентов во время поступления в университет. Кроме того, документы по истории ДВГУ вошли в изданный РГИАДВ сборник документов и материалов «Из истории востоковедения на Российском Дальнем Востоке» [4].

Методика. Методологической основой исследования явились общенаучные и специальные исторические методы исследования. На основе исторических источников восстанавливается историческая картина событий, выявляются и анализируются причинно-следственные связи. К используемым научным методам относятся сравнительный, причинно-следственный и статистический анализ. В работе использованы подходы и принципы истории повседневности.

Результаты. В начале XX века в России активно развивалось высшее образование, в том числе и востоковедное, которое привлекало представителей разных сословий. В 1899 году во Владивостоке было открыто первое в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке высшее учебное заведение — Восточный институт, куда поехали учиться выпускники различных средних учебных заведений из разных регионов Российской им-

перии. После революции 1917 года на базе Восточного института был создан университет (Государственный дальневосточный университет, 1920–1930 годы; Дальневосточный государственный университет, 1931–1938 годы).

Сразу же после открытия Восточного института во Владивостоке туда поступали люди старше 20 лет. В 1899 году в число студентов был принят 25-летний казак П. А. Бобырев, закончил он институт в возрасте 33 лет¹. В числе первых студентов, зачисленных в 1900 году, были дети священников 24-летний И. И. Доброловский и 25-летний Д. С. Дедевич². Затем большинство студентов поступали в институт после окончания средних учебных заведений. В 1902 году в институт поступил 17-летний М. Д. Воронеж из потомственных дворян³. В 20-летнем возрасте были зачислены в институт в первом десятилетии XX века Н. И. Ассеев⁴, М. А. Астафуров⁵ и др. Очевидно, что эти молодые выпускники средних учебных заведений еще не были женаты и, заканчивая через 4 года институт, они не успевали вступить в брак. Социальное происхождение у студентов было разное, чаще это были дети священников, мещан и дворян.

Нередко в Восточный институт приходили студенты в более зрелом возрасте. В 1910 году в институт «был зачислен в число студентов Восточного Института» 30-летний потомственный дворянин П. А. Бобрик⁶; «осенью 1911 г., состоя в должности бухгалтера Восточного Института, был допущен к слушанию лекций в Восточном Институте в качестве постороннего слушателя и... полностью прошел установленный для студентов курс Восточного Института по китайско-монгольскому отделению» В. Д. Чистяков⁷, 1886 года рождения. В 1912 году «был допущен к слушанию лекций в Восточном институте», а в 1916 году «удостоен аттестата об окончании с отличным успехом курса Восточного института со всеми правами и пре-

1 ГАПК. Ф. Р-115. Оп. 2. Д. 5. Л. 11.

2 ГАПК. Ф. Р-115. Оп. 2. Д. 5. Л. 2–3.

3 ГАПК. Ф. Р-115. Оп. 2. Д. 5. Л. 14.

4 ГАПК. Ф. Р-115. Оп. 2. Д. 13. Л. 2.

5 ГАПК. Ф. Р-115. Оп. 2. Д. 13. Л. 3.

6 ГАПК. Ф. Р-115. Оп. 2. Д. 13. Л. 5.

7 ГАПК. Ф. Р-115. Оп. 2. Д. 13. Л. 94.

имуществами, представляемыми оканчивающим курс Восточного Института студентам», сын поручика из дворян 1859 года рождения Всеволод Федорович Михайловский»⁸.

Имели место и такие случаи, когда «Дмитрий Михайлович Брайковский, сын псаломщика, родившийся 6 ноября 1875 года, ... был зачислен посторонним слушателем Восточного Института в осеннем семестре 1901 года, в осеннем семестре 1904 года принят в число студентов Восточного Института»⁹. Институт этот студент закончил в возрасте 32 лет. Еще один пример, когда М. П. Соколов, «сын мещанина, родившийся 29 октября 1872 года, ... был зачислен посторонним слушателем Восточного Института в осеннем полугодии 1902 года, в весеннем полугодии 1907 года... принят в число студентов»¹⁰. Данные истории позволяют с большой долей вероятности предположить, что в Восточном институте в начале XX века учились семейные студенты.

Отдельно следует отметить, что в Восточном институте учились и прикомандированные офицеры-слушатели, как правило, в возрасте старше 30 лет. В 1900 году в Восточный институт были зачислены в число слушателей 31-летний штабс-капитан М. Н. Козлянинов¹¹ и 29-летний капитан С. В. Афанасьев¹².

Вскоре в числе студентов появились и девушки. Наличие в документах второй фамилии в скобках указывает на то, что студентки выходили замуж. В качестве примера можно привести поступившую учиться в 1918 году и выбывшую из университета в 1920 году М. П. Богданову (Разумовскую)¹³.

После установления советской власти на Дальнем Востоке принципиально ситуация не изменилась. Большая часть студентов поступали Дальневосточный государственный университет, куда вошел Восточный институт, после окончания средней школы.

Кроме студентов, в университете учились и прикрепленные слушатели, положение которых мало отличалось от студентов.

Графа «семейное положение» крайне редко встречается в анкетах абитуриентов и студентов. В советский период развития высшего образования в России, как и в дореволюционный, власти интересовало, а университетская бюрократия фиксировала в обязательном порядке социальное происхождение и социальное положение студентов. Это отражено в самых разных документах, от вступительных анкет до выпускающей документации.

В анкетах в 1920-х годах была графа «Социальное положение студента и родителей». 26-летняя студентка Восточного факультета Т. А. Регова записала: «дочь служащего и сама служащая»¹⁴. О социальном положении студентов говорится, например, в таком документе, как «Докладная записка президиума Совета Дальневосточного отделения Всесоюзной торговой палаты и дирекции ДВГУ в президиум Далькрайисполкома» за 1932 год: «По своему социальному положению студенты восточного отделения распределяются следующим образом: рабочих и их детей — 66, крестьян — 36, служащих — 50» [4, с. 84].

Лишь в некоторых документах студентов факультета восточных языков есть указание на семейное положение. Например, в анкете поступившего в 1926 году в ГДУ Якова Иосифовича Лурье, 1902 года рождения, в графе «семейное положение» написано «холост»¹⁵. В «Опросном листе для поступивших в ВУЗы» Анны Ивановны Жбановой, 1904 года рождения, в графе «семейное положение» указано «девица»¹⁶. В документе такого же рода Тамары Евгеньевны Казакевич, 1909 года рождения, в графе «семейное положение» было написано лишь «нахожусь на иждивении отца»¹⁷.

8 ГАПК. Ф. Р-115. Оп. 2. Д. 13. Л. 74.

9 ГАПК. Ф. Р-115. Оп. 2. Д. 5. Л. 9.

10 ГАПК. Ф. Р-115. Оп. 2. Д. 5. Л. 28.

11 ГАПК. Ф. Р-115. Оп. 2. Д. 5. Л. 7.

12 ГАПК. Ф. Р-115. Оп. 2. Д. 5. Л. 5.

13 ГАПК. Ф. Р-115. Оп. 2. Д. 15. Л. 3.

14 ГАПК. Ф. Р-115. Оп. 2. Д. 1. Л. 87.

15 ГАПК. Ф. Р-115. Оп. 2. Д. 1. Л. 59.

16 ГАПК. Ф. Р-115. Оп. 2. Д. 1. Л. 45.

17 ГАПК. Ф. Р-115. Оп. 2. Д. 1. Л. 52.

О числе студентов, могущих иметь семьи, можно предположительно судить по их возрастным данным. «Список личного состава студентов-ок Государственного Дальневосточного Университета Восточного Факультета»¹⁸, поступивших в 1922–1925 годах, указывает на то, что большинство студентов поступали в возрасте от 18 до 22 лет. В свидетельствах об окончании Восточного факультета ДВГУ за 1920–30-е годы указано, что студенты Н.И. Малков¹⁹, М.И. Мелько²⁰ и др. поступили в университет в возрасте 18 лет. Однако некоторые студенты заканчивали университет уже в достаточно зрелом возрасте. Например, В.Д. Новоселов поступил в возрасте 23 лет, а окончил — в 29 лет²¹, С.А. Мерцалов поступил в возрасте 19 лет, а окончил его уже в 30-летнем возрасте²². В 30-летнем возрасте окончил ДВГУ и китаист В.Е. Пащенко²³. Отдельные студенты поступили в возрасте 27–28 лет²⁴. Например, студенты М.Я. Гетманчук, М.П. Вадивасов, В.А. Войлошников, С.П. Дикарев поступили в возрасте 28–29 лет. Вероятно, эти студенты уже состояли в браке. Кроме того, поступившая в 1923 году на японское отделение Ядвига Люциановна Афанасьева, 1905 года рождения, очевидно, носила фамилию мужа, а не девичью²⁵.

В числе принятых на учебу в ДВГУ востоковедов были не только студенты, но и слушатели, принятые на разных основаниях. Это были люди уже в зрелом возрасте. Прикомандированный С.Н. Александров в заявлении о приеме писал: «На службе состою 12 лет»²⁶. В 1926 году на Востфак поступил, а точнее, был «прикомандирован в Китайскому отд. Восточного факультета для повышения квалификации с правом сдачи зачетов» коммерческий директор треста «Примуголь» И.С. Барский, 1884 года рождения²⁷. В том же году был принят в институт

«для повышения квалификации» счетовод С.П. Гожий, 1893 года рождения²⁸. В имеющихся в личных делах анкетах отсутствует графа «семейное положение». Никаких документов, где бы затрагивался вопрос о семье этих студентов, в делах нет. Мы можем предположить, что данные студенты имели семьи, но из-за отсутствия у них материальных проблем данный вопрос в институтских документах не поднимался.

Документы, отражающие проблемы студенчества в ДВГУ, указывают на то, что проблемы, связанные с семьей, не были актуальными, в отличие от проблем качества обучения или состояния здоровья. Например, в «Докладной записке декана восточного факультета ДВГУ В.А. Войлошникова» было лишь указано: «Необходимость предоставления отпусков сравнительно большому количеству от наличного состава студентов (16%) вызвана болезненным состоянием и невозможностью дальше работать. Причем в отпуск уходят в большинстве студенты активисты-партийцы, которые помимо учебы несут значительную общественную нагрузку и, переходя на старшие курсы, оказываются настолько с расшатанным здоровьем, что вынуждены делать перерыв в учебе» [4, с. 92]. В отчете декана за 1934 г. было указано, что 20 студентов были в отпуске по болезни, но не говорилось о декретных отпусках или отпусках по семейным обстоятельствам [4, с. 92].

В архивных фондах изредка встречаются документы, позволяющие увидеть более полную картину семейного положения студентов-востоковедов. В качестве примера можно привести дело Поликарпа Фиофилактовича Безматерных, приехавшего из Минусинска во Владивосток в статусе командированного в ГДУ Минусинским окружкомом профсоюза Совгосслужащих. П.Ф. Безматерных

18 ГАПК. Ф. Р-117. Оп. 3. Д. 58.

19 РГИАДВ. Ф. Р-289. Оп. 1. Д. 128. Л. 15.

20 РГИАДВ. Ф. Р-289. Оп. 1. Д. 128. Л. 17.

21 РГИАДВ. Ф. Р-289. Оп. 1. Д. 128. Л. 28.

22 РГИАДВ. Ф. Р-289. Оп. 1. Д. 128. Л. 1.

23 РГИАДВ. Ф. Р-289. Оп. 1. Д. 128. Л. 57.

24 ГАПК. Ф. Р-117. Оп. 3. Д. 58.

25 ГАПК. Ф. Р-117. Оп. 3. Д. 58. Л. 1.

26 ГАПК. Ф. Р-115. Оп. 2. Д. 4. Л. 4.

27 ГАПК. Ф. Р-115. Оп. 2. Д. 4. Л. 16.

28 ГАПК. Ф. Р-115. Оп. 2. Д. 4. Л. 38.

родился в Минусинске в феврале 1895 года, но еще в детстве уезжал с родителями работать на золотые прииски в верховьях Зеи, где получил начальное образование и познакомился с основами китайского языка. Вернувшись во время Мировой войны на родину и будучи призван в армию, он заочно получил образование, а в 1917 году «сдал экстерном за курс реального училища»²⁹.

П. Ф. Безматерных поехал учиться во Владивосток по собственному желанию, получив направление от организации, где работал. В выписке из «протокола от 3-го Августа 1926 г. заседания Правления Минусинского Окр. Отделения Союза Совторгслужащих» говорилось: «Слушали: заявление члена союза тов. Безматерных о выдаче ему документов от союза для поездки на учение в Институт восточных языков /обладает китайским языком/. Имеется сообщение из института о наличии вакантных мест. Постановили: Выдать удостоверение...»³⁰.

В «Анкете о поступлении студентов в Восточный институт» его социальное положение было указано: «сын крестьянина-бедняка». О родителях в анкете было указано: «Крестьяне (бедн.) проживают в с. Салбинском Минус. окр»³¹. Ко времени поступления он работал счетоводом-кооператором, имел жену и детей. П. Ф. Безматерных в прошлом был членом ВКП (б), но в 1922 году выбыл, как «не прошедший перерегистрацию»³².

В начале своего обучения П. Ф. Безматерных столкнулся с большими трудностями. Он писал в заявлении: «Я командирован Минусинским Отд. профсоюза в Г.Д.У. для усовершенствования китайского языка, который я изучал практически. По прибытии сюда выяснилось, что я опоздал: приемная комиссия закончила свои работы и комплект набран. Я получил разрешение правления быть вольнослушателем и посещал лекции аккуратно до 28/IX, т.е. до того дня, в который было объявлено, что ВУЗ перегружен вольнослушателями, а поэтому билеты на право посещения лекций с 29/

IX — не действительны. В виду этого прошу вновь разрешить мне посещать лекции первого курса Востфака китайского отделения...»³³. В заявлении, поданном в ноябре 1926 года в адрес Владивостокского Союза Совторгслужащих, говорилось: «Минусинским окр. Отд. Союза я командирован в Г.Д.У. с целью изучения китайского языка и ряда других дисциплин; но, благодаря несоблюдению соотв. формы, командировка, с юридическ. стороны получилась недооформленной, и посещаю лекции на «безправных» правах вольнослушателя и поэтому не могу участвовать в проработке лекций и, главное, сдавать зачеты и пользоваться учебными пособиями»³⁴.

В документах имеется информация о семье слушателя ГДУ П. Ф. Безматерных. В анкете, составленной в январе 1927 года, он указал, что семья осталась жить в Минусинске и состояла на его иждивении. Состав семьи был указан следующий: Безматерных Лидия Ивановна, 29 лет, род занятий — модистка (изготовление женских шляпок и украшений). В их семье было два сына: пятилетний Георгий и годовалый Евгений. Жена и дети слушателя-китаеведа жили в городе, отдельно от его родителей, занимавшихся сельским хозяйством в деревне.

Слушатель ГДУ в силу имевшейся на его иждивении семьи и проблем с документами при оформлении в университет оказался в тяжелом материальном положении, о чем он и писал руководству своего учебного заведения. В университете никакой стипендии П. Ф. Безматерных не получал, а подрабатывал счетоводом «в коллект. погрузо-разгр. работ при бирж. тр.»³⁵. Однако заработанных денег хватало лишь на проживание и питание во Владивостоке, но не на содержание семьи.

Можно предположить, что пример тяжелого материального положения слушателя ГДУ П. Ф. Безматерных был не единичным для середины 1920-х годов. Подобных дел в архивных делах университета выявить нам не удалось, но в работе О. П. Еланцевой при-

29 ГАПК. Ф. Р-115. Оп. 2. Д. 1. Л. 26об.

30 ГАПК. Ф. Р-115. Оп. 2. Д. 1. Л. 34.

31 ГАПК. Ф. Р-115. Оп. 2. Д. 1. Л. 27.

32 ГАПК. Ф. Р-115. Оп. 2. Д. 1. Л. 23.

33 ГАПК. Ф. 115. Оп. 2. Д. 1. Л. 22.

34 ГАПК. Ф. Р-115. Оп. 2. Д. 1. Л. 30.

35 ГАПК. Ф. Р-115. Оп. 2. Д. 1. Л. 23.

водится такой пример: «31 октября 1928 г. студент-выдвиженец Михаил Сладковский обращался в стипендиальную комиссию при Дальневосточном университете: “Ввиду того, что размер стипендии в 60 руб. меня удовлетворить не может, так как на моем иждивении находится жена, я поступил на службу в Дальторг”» [3, с. 70].

В 1930-х годах руководство правящей в СССР партии взяло курс на усиление классовой борьбы, что отразилось и на советском студенчестве. Инструментом политической борьбы стало социальное происхождение студентов. В газете ДВГУ «Трибуна университета» за 25 декабря 1935 года был помещен материал «Этим людям не место в партии». В нем говорилось: «В процессе проверки партийных документов постановлением бюро горкома исключены из партии Прокопенко и Березовский — студенты 4 курса китайского отделения... Прокопенко оказался сыном кулака — в прошлом владельца паровой мельницы. Сынок, работая у отца на мельнице в качестве кочегара, сумел вписать себе рабочий стаж и пролезть в партию...»³⁶. В заметке «Почему молчит дирекция?» в вину студенту Березовскому ставилось то, что его отец также был кулаком и «участвовал в борьбе против советской власти в период гражданской войны на Дальнем Востоке»³⁷. При этом второй причиной исключения его из партии было то, что «весь 1934–35 учебный год работал в 2–3 учреждениях»³⁸, а это как раз указывало на то, что материально гонимый студент не мог опереться на якобы родственников-эксплуататоров. Здесь следует отметить: требовавшие исключения из партии студентов с плохим социальным положением студенты ДВГУ Востриков и Преображенский в 1937 году сами были арестованы уже по выбитым следователями показаниям пострадавших от их доносов [2, с. 98].

Вообще, за указание в анкете неполных данных о своей семье в 1930-х годах исключали не только из партии, но и из университета. Например, студентку химического факультета ДВГУ, которая «в анкете при подаче заявления в университет... в графе “соци-

альное положение родителей” написала “ра-дист”, т.е. написала социальное положение своего брата, а об отце ни слова»³⁹, исключили из университета, несмотря даже на то, что отец ее умер, а семья действительно находилась на иждивении брата.

Заключение. Исторический опыт российского студенчества, студенческой семьи и социального положения студентов становится актуальным в связи с возросшим интересом ученых и общественности к проблемам современной студенческой семьи. Данная тема остается не изученной в силу комплекса причин. Тем не менее, доступные на сегодняшний день исторические источники — мемуары, архивные документы делопроизводственного характера, материалы периодической печати и др. — позволяют начать восстановление исторической картины студенческой семьи и выявления причинно-следственных связей, проблем и противоречий.

Большинство студентов российских вузов, особенно до революции 1917 года, не вступали в брак. Исключением не был Восточный институт во Владивостоке. Большинство студентов поступали в этот институт после окончания средних учебных заведений в возрасте 19–20 лет. Однако многие из поступивших на учебу в ДГУ и ДВГУ были уже в более зрелом возрасте, что позволяет предположить, что имели место и студенческие семьи. Известные китаеведы М. И. Сладковский и Ф. В. Соловьев, будучи студентами во Владивостоке, уже были женаты. Выявленные документы не позволяют определить процент студентов, состоявших в браке, но в ряде документов это напрямую зафиксировано. Содержание документов позволяет предположить, что наличие семьи у студента или слушателя обычно не создавало проблем для университета, но материальных проблем студентам не всегда удавалось избегать. Во второй половине 1930-х годов вопросы семьи и социального происхождения резко политизировались, стали важным фактором политических репрессий. В конце 1930-х годов, когда большая часть преподавателей и студентов-востоковедов попали под

36 Трибуна университета. 1935. 25 декабря. С. 1.

37 Там же.

38 Там же.

39 Там же.

политические репрессии, университет во Владивостоке был закрыт на два десятилетия.

В послевоенную эпоху ситуация вокруг студенческих семей несколько изменилась. Пример московских вузов послевоенной эпохи показывает, что в это время студенческие семьи стали обычным явлением. Семейные студенты имели некоторые преимущества. Например, состоявшим в браке студентам выдавали дипломы без обязательного распределения в отдаленные районы Советского Союза, как прочим выпускникам. Успешная карьера и высокие достижения многих китайцев, вступивших в брак будучи студентами, указывает на то, что студенческая семья не была препятствием для учебы и карьерного роста.

Список источников

1. Денисов С. Б. Социальная помощь студенческой семье в СССР: историко-правовой анализ // Вестник Мордовского университета. 2012. №1. С. 67–72.

2. Донской В. К. Разгром Восточного факультета ДВГУ // Вестник ДВО РАН. 1996. №1. С. 95–108.

3. Еланцева О. П., Ван Юе. Студенческие годы востоковеда М. И. Сладковского (По документам Дальневосточного университета 1924–1930 гг.) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2019. №1. С. 66–73.

4. Из истории востоковедения на Российском Дальнем Востоке. 1899–1937 гг. Документы и материалы. Владивосток: Приморская краевая организация Добровольного общества любителей книги России, 2000. 256 с.

5. Моргун З. Ф. Восстановление преподавания японского языка в Дальневосточном государственном университете (1962–1994) // Пути развития востоковедения на Дальнем Востоке России: сборник статей и библиография / сост. и отв. ред. А. С. Дыбовский. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2014. С. 19–46.

6. Климантова Г. И. Государственная семейная политика в условиях социально-политической трансформации современной России. М.: Триада Лтд, 2001. 264 с.

7. Российское Китаеведение — устная история. Сборник интервью с ведущими российскими Китаеоведами XX–XXI вв. / под ред.

В. Ц. Головачёва. Т. 2. М.: Институт востоковедения РАН, 2015. 572 с.

8. Российское Китаеведение — устная история: Сборник интервью с ведущими российскими Китаеоведами XX–XXI вв.: в 3-х томах / отв. ред. В. Ц. Головачёв. 2-е изд., испр. и доп. Т. 1. М.: Институт востоковедения РАН, МАКС Пресс, 2018. 496 с.

9. Российское Китаеведение — устная история: Сборник интервью с ведущими российскими Китаеоведами XX–XXI вв.: в 3-х томах / отв. ред. В. Ц. Головачёв. 2-е изд., испр. и доп. Т. 3. М.: Институт востоковедения РАН, МАКС Пресс, 2018. 480 с.

10. Ростовская Т. К. Традиционные семейные ценности в контексте российской истории. М., 2016. 25 с.

11. Ростовская Т. К. Создание студенческой семьи: мотивация и жизненные стратегии членов молодых семей // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2015. №4. С. 73–81.

12. Тихвинский С. Л. Избранные произведения. Кн. 5: Воспоминания дипломата и заметки историка. М.: Наука, 2006. 452 с.

13. Хаматова А. А. Преподаватели и выпускники-Китаеведы университета в 20–30-е годы прошлого века // Пути развития востоковедения на Дальнем Востоке России: сборник статей и библиография / сост. и отв. ред. А. С. Дыбовский. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2014. С. 47–67.

References

1. Denisov S. B. Social'naja pomoshh' studentcheskoj sem'e v SSSR: istoriko-pravovoj analiz [Social assistance to the student family in the USSR: historical and legal analysis]. *Vestnik Mordovskogo universiteta* [Bulletin of the Mordovian University]. 2012; (1): 67–72. (In Russ.).

2. Donskoj V. K. Razгром Vostochnogo fakul'teta DVGU [The defeat of the Eastern Faculty of DVSU]. *Vestnik DVO RAN* [Bulletin of the FEB RAS]. 1996; (1): 95–108. (In Russ.).

3. Elanceva O. P., Van Jue. Studencheskie gody vostokoveda M. I. Sladkovskogo (Po dokumentam Dal'nevostochnogo universiteta 1924–1930 gg.) [Student years of the orientalist M. I. Sladkovsky (According to the documents of the Far Eastern University 1924–1930)]. *Gumanitarnye issledovanija v Vostochnoj Sibiri i na Dal'nem Vostoke*

[*Humanitarian studies in Eastern Siberia and the Far East*]. 2019; (1): 66–73. (In Russ.).

4. Iz istorii vostokovedenija na Rossijskom Dal'nem Vostoke. 1899–1937 gg. Dokumenty i materialy [From the history of Oriental studies in the Russian Far East. 1899–1937 Documents and materials]. Vladivostok: Primorskaja kraevaja organizacija Dobrovol'nogo obshhestva ljubitelej knigi Rossii, 2000. 256 p. (In Russ.).

5. Morgun Z. F. Vosstanovlenie prepodavanija japonskogo jazyka v Dal'nevostochnom gosudarstvennom universitete (1962–1994) [Restoration of Japanese language teaching at the Far Eastern State University (1962–1994)]. Puti razvitija vostokovedenija na Dal'nem Vostoke Rossii: sbornik statej i bibliografija [Ways of development of Oriental studies in the Far East of Russia: collection of articles and bibliography]. Sost. i otv. red. A. S. Dybovskij [In A. S. Dybovsky (eds.)]. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 2014. P. 19–46. (In Russ.).

6. Klimantova G. I. Gosudarstvennaja semejnaja politika v uslovijah social'no-politicheskoj transformacii sovremennoj Rossii [State family policy in the conditions of socio-political transformation of modern Russia]. Moscow: Triada Ltd, 2001. 264 p. (In Russ.).

7. Rossijskoe kitaevedenie — ustnaja istorija. Sbornik interv'ju s vedushhimi rossijskimi kitaevdami XX–XXI vv. [Russian Sinology — oral history. Collection of interviews with leading Russian Sinologists of the XX–XXI centuries]. Pod red. V. C. Golovachjova [In V. Ts. Golovachev (eds.)]. Vol. 2. Moscow: Institut vostokovedenija RAN, 2015. 572 p. (In Russ.).

8. Rossijskoe kitaevedenie — ustnaja istorija: Sbornik interv'ju s vedushhimi rossijskimi kitaevdami XX–XXI vv.: v 3-h tomah [Russian Sinology — oral history. Collection of interviews with leading Russian Sinologists of the XX–XXI centuries: in 3 volumes]. Otv. red. V. C. Golovachjov

[In V. Ts. Golovachev (eds.)]. 2-e izd., ispr. i dop. Vol. 1. Moscow: Institut vostokovedenija RAN, MAKS Press, 2018. 496 p. (In Russ.).

9. Rossijskoe kitaevedenie — ustnaja istorija: Sbornik interv'ju s vedushhimi rossijskimi kitaevdami XX–XXI vv.: v 3-h tomah [Russian Sinology — oral history. Collection of interviews with leading Russian Sinologists of the XX–XXI centuries: in 3 volumes]. Otv. red. V. C. Golovachjov [In V. Ts. Golovachev (eds.)]. 2-e izd., ispr. i dop. Vol. 3. Moscow: Institut vostokovedenija RAN, MAKS Press, 2018. 480 p. (In Russ.).

10. Rostovskaja T. K. Tradicionnye semejnnye cennosti v kontekste rossijskoj istorii [Traditional family values in the context of Russian history]. Moscow, 2016. 25 p. (In Russ.).

11. Rostovskaja T. K. Sozdanie studentcheskoj sem'i: motivacija i zhiznennye strategii chlenov molodyh semej [Creating a student family: motivation and life strategies of members of young families]. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo [Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky]. 2015; (4): 73–81. (In Russ.).

12. Tihvinskij S. L. Izbrannye proizvedenija. Kn. 5: Vospominanija diplomata i zametki istorika [Selected works. Book 5: Memoirs of a diplomat and notes of a historian]. Moscow: Nauka, 2006. 452 p. (In Russ.).

13. Hamatova A. A. Prepodavateli i vypuskniki-kitaevdy universiteta v 20–30-e gody proshlogo veka [Teachers and graduates-sinologists of the University in the 20–30s of the last century]. Puti razvitija vostokovedenija na Dal'nem Vostoke Rossii: sbornik statej i bibliografija [Ways of development of Oriental studies in the Far East of Russia: collection of articles and bibliography]. Sost. i otv. red. A. S. Dybovskij [In A. S. Dybovsky (eds.)]. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 2014. P. 47–67. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 02.02.2022; одобрена после рецензирования 06.02.2022; принята к публикации 12.02.2022.

The article was submitted on 02.02.2022; approved after reviewing on 06.02.2022; accepted for publication on 12.02.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Дацышен Владимир Григорьевич — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Институт востоковедения Российской академии наук.

Москва, Россия, ул. Рождественка, 12/1

Vladimir G. Datsyshen — Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Re-searcher, Institute of Demographic Research of the Federal Research Sociological Center, Russian Academy of Sciences, Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences.

12/1 Rozhdestvenka st., Moscow, Russia

Ростовская Тамара Керимовна — доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1

Tamara K. Rostovskaya — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Deputy Director for Research, Institute of Demographic Research of the Federal Research Sociological Center, Russian Academy of Sciences.

6 Fotievoy st., bld. 1, Moscow, Russia

Вклад авторов:

Дацышен В.Г. — научное руководство; концепция исследования; написание исходного текста; итоговые выводы.

Ростовская Т.К. — научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Datsyshen V. G. — scientific guidance; research concept; writing the source text; final conclusions.

Rostovskaya T. K. — scientific guidance; research concept; development of methodology; final conclusions.